Les Assemblées provinciales russes et l'appel fait à elles par le gouvernement pour l'aider à maîtriser la propagande Nihiliste.

ЗЕМСТВО

и

ПРИЗЫВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВА КЪ БОРЬБѢ СЪ РЕВОЛЮЦІОННОЮ ПРОПАГАНДОЮ

ЗЕМСКАГО ГЛАСНАГО

Д. В.

LEIPZIG

1879

„Пров 49“

БИБЛИОТЕКА
ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ
АКАДЕМИИ
014
28

ЗЕМСТВО

и

ПРИЗЫВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВА КЪ БОРЬБѢ СЪ РЕВОЛЮЦІОННОЮ ПРОПАГАНДОЮ

Наша брошюра еще не была выпущена, когда извѣстіе о новомъ злодѣйствѣ возмутило всѣ русскія сердца; никто не сомнѣвается, что вѣсть о покушеніи на жизнь Государя Императора возбудитъ единодушное негодованіе всѣхъ русскихъ людей. Во всѣхъ православныхъ церквахъ будутъ возноситься благодарственныя мольбы Богу за спасеніе Того, Кто живетъ въ сознаніи народа какъ Царь Освободитель. На этихъ молебствіяхъ сойдутся всѣ тѣ, кто не утратилъ права на имя русскаго.

Мы переживаемъ, теперь, великую историческую минуту, видимъ полное единодушіе Царя и народа—единодушіе, которое всегда было столь плодотворно въ Россіи. Но чувство нашей радости отравляется дальнѣйшими размышленіями: въ настоящей брошюрѣ мы доказываемъ, что цареубійцы и убійцы сильны не своею силой, а непонятнымъ ослѣпленіемъ и ошибками людей, которые, подъ видомъ мѣръ противъ разрушителей, такъ усердно посодѣйствовали ихъ размноженію..... Отъ перваго покушенія прошло тринадцать лѣтъ, съ тѣхъ поръ всѣ усилія людей, которымъ ввѣрено было государственное управленіе, направлялись къ ослабленію движенія разрушителей;

для этого жертвовали и реформами, и образованіемъ, и благомъ народа: результаты на лицо. Вмѣсто небольшаго числа съумасбродовъ 1866-го года, изъ которыхъ одинъ противъ воли и желанія товарищей рѣшился покуситься на цареубійство, мы имѣемъ теперь тысячу убійцъ безнаказанно занимающихся своимъ позорнымъ ремесломъ по всему пространству Россіи; послѣ ряда убійствъ, оставшихся безнаказанными, они покушаются наконецъ на Священную Особу Государя; единственный убійца, котораго полиція успѣла задержать, былъ тотъ, который покусился на Него, остальные невредимы.

Мы опасаемся, что нѣкоторые изъ окружающихъ Государя, частью изъ усердія не по разуму, а болѣе изъ своекорыстныхъ видовъ воспользуются настоящей исторической минутой, не для того чтобы дѣйствительно противодѣйствовать бѣдѣ; они постараются вызвать Власть на общія мѣры, противъ и невинныхъ, съ тѣмъ чтобы въ числѣ ихъ попасть на дѣйствительно виновныхъ — это будетъ похоже на Иродово избіеніе младенцевъ.

Ничѣмъ нельзя нанести такого громаднаго вреда Государю и Россіи, какъ подобными мѣрами. Пусть усилятъ средства полиціи, пусть поступаютъ съ примѣрною строгостью, и безъ всякаго сожалѣнія съ дѣйствительными виновниками, но да избѣгаютъ тѣхъ огульныхъ мѣръ, которыми и безъ того успѣли уже

болячку нигилизма довести до гангрены организованныхъ политическихъ убійствъ.

Россія можетъ много вынести! Исторія послѣдняго десятилѣтія представляетъ, къ сожалѣнію, этому новый примѣръ; но тѣмъ, которые въ нашей памяти пробуждаютъ образъ Царя, рубившаго головы стрѣльцовъ, слѣдуетъ напомнить, что уваженіе и любовь народа принадлежатъ этому Царю, не за эти проявленія строгой энергіи, а за то, что польза и благо Государства не покидало его мысли, что въ каждомъ Его шагѣ, въ каждомъ дѣлѣ, видна была забота о Россіи.

Насъ не удивятъ мѣры строгости, но для блага Царя и Россіи мы желаемъ, чтобы онѣ коснулись только дѣйствительно виновныхъ. Ежели при этомъ возобновится преобразовательная работа и исчезнетъ, то незаслуженное недовѣріе къ Земству и русскому обществу, которое такъ омрачило исторію послѣднихъ 10—14 лѣтъ, то намъ прійдется только радоваться такой перемѣнѣ...

Мы содрогаемся при мысли, что темныя силы, всплывшія послѣ 1866 года, воспользуются вновь минутой, чтобы вызвать новыя общія репрессивныя мѣры!.. Въ послѣднее время передъ покушеніемъ было основаніе надѣяться, что возобновится преобразовательная работа. Назначеніе коммиссіи для скорѣйшей отмѣны подушной подати и многія другія

мѣры указываютъ, что таковы были намѣренія Государя. Если же теперь суждено всему этому измѣниться, если вновь во всей преобразовательной работѣ явится застой и будутъ прилагаться лишь мѣры, стѣсняющія мысль и образованіе, то мы считаемъ долгомъ сказать, что именно здѣсь и находится единственная серьезная опасность для мирнаго развитія Россіи. Именно отъ этого только могутъ возникнуть гибельныя потрясенія, послѣдствія которыхъ невозможно даже оцѣнить вполнѣ.

Уже, конечно, не недостаткомъ репрессивныхъ мѣръ страдали мы эти года. Все, что можно было сдѣлать, хотя съ чувствительнымъ, но поправимымъ вредомъ для Россіи, сдѣлано, что можно теперь еще сдѣлать, то перейдетъ уже этотъ предѣлъ, мѣры эти будутъ имѣть послѣдствіемъ увеличеніе числа недовольныхъ и въ особенности возрастаніе силы разрушителей и теперь уже не малой.

Нужно помнить, что съ мыслью, каковы бы ни были ея печальныя уклоненія, нельзи бороться штыкомъ, что всякое стѣсненіе открыто высказываемыхъ законныхъ мнѣній только помогаетъ подпольной пропагандѣ.

Намъ пріятно заключить это введеніе указаніемъ, что по первымъ извѣстіямъ изъ Петербурга есть основаніе ожидать именно теперь усиленія преобразовательной дѣятельности. Въ добрый часъ!

Въ Августѣ 1878 года, правительство, очевидно, въ виду совершенныхъ съ политическою цѣлью убійствъ, обращается съ призывомъ къ русскому обществу, взывая къ его патріотизму и приглашаетъ его сомкнуть ряды, чтобы вмѣстѣ съ правительствомъ бороться съ разрушительными началами и защищать родину, общественный порядокъ, семью и религію отъ угрожающей имъ опасности.

Этотъ призывъ повторенъ въ рѣчахъ губернаторовъ при открытіи земскихъ собраній. Мы слышали отвѣтъ на него лишь одного Харьковскаго земства, которое объяснило въ своемъ адресѣ, что русскій народъ въ своемъ настоящемъ безправномъ положеніи имѣетъ только возможность приносить на алтарь общественнаго благосостоянія кровавыя жертвы. Земскіе представители заявляютъ, что не только весь народъ, но и себя считаютъ совершенно безсильными, при существующихъ условіяхъ, дѣятельно отозваться на призывъ правительства, не смотря на всю ихъ добрую волю. Затѣмъ заявляютъ, что Богъ, всѣмъ богато одаривъ Россію, лишилъ ее одного, чего они и просятъ у Царя: самоуправленія,

прирожденнаго всякому народу; въ подкрѣпленіе своей просьбы они ссылаются на Болгарію, которой это право дано тѣмъ же русскимъ государемъ.

Въ заключеніе они обѣщаютъ и дѣятельное содѣйствіе въ борьбѣ съ разрушительными началами и процвѣтаніе Россіи, если имъ будетъ дано законодательство на болѣе свободныхъ условіяхъ, избавленіе отъ узъ, стѣсняющихъ ихъ гражданскія и человѣческія права.

Такъ отвѣчало Харьковское земство и этотъ отвѣтъ лишилъ насъ возможности услыхать отвѣты другихъ русскихъ земствъ: обсужденіе вопроса было запрещено. Возстановляется прежнее безмолвіе: до Верховной власти не доходитъ голосъ Земли, даже въ отвѣтъ на прямой запросъ правительства. Мнѣнія Земли доходятъ до Царя опять исключительно черезъ его совѣтниковъ.

Вотъ перечень событій этого краткаго, но не славнаго эпизода, призыва Россіи и земства къ содѣйствію правительства.

Въ результатѣ получается усиленіе взаимнаго недовѣрія; выслушано мнѣніе лишь одного земства, но такъ какъ другимъ не дали высказаться, то во всѣхъ, не знающихъ близко русскаго земства, остается впечатлѣніе, что и другіе высказались бы также.

Однако подобное заключеніе было бы вполнѣ невѣрно.

Будучи заброшенъ судьбой за границу, далеко отъ того земства, гдѣ приходилось работать, я счелъ долгомъ въ настоящей брошюрѣ, пользуясь столь необычной для земца свободой слова, высказать то, что не у меня одного на умѣ, и что составляло бы суть земскихъ отзывовъ, если бы земствамъ дали высказаться свободно.

Разобравъ сначала отвѣтъ Харьковскаго земства, я разъясню почему, по моему мнѣнію, его нельзя признать за выраженіе желаній Русской Земли, затѣмъ укажу въ чемъ, какъ я полагаю, заключается то зло, съ которымъ приходится бороться, та душная атмосфера настоящаго времени, которая оказывается столь благопріятною для развитія болѣзни, въ чемъ,—въ общемъ очеркѣ, могли бы заключаться мѣры для леченія болѣзни, какъ частной, такъ и болѣе общей, неудовлетворительнаго экономическаго положенія и въ заключеніе изложу, каковъ, по моему мнѣнію, только и могъ быть отвѣтъ земства на призывъ Верховной Власти о помощи.

Какъ не трудно говорить о мнѣніи подвергшемся административной карѣ, не можемъ не высказать, что Харьковскій адресъ или навѣянъ извнѣ, или случайный, во всякомъ случаѣ не можетъ считаться отвѣтомъ Земли Русской на призывъ Верховной Власти. Не затѣмъ несъ народъ свои головы и деньги на Балканы для освобожденія Славянъ, чтобы позавидовать своимъ братьямъ, попрекнуть Верховную власть, напомнивъ,

что чужимъ даютъ то, въ чемъ отказываютъ своимъ; что нашъ народъ пользуется лишь правомъ приносить кровавыя жертвы.

Я не касаюсь теперь вопроса объ умѣстности подобнаго заявленія, но остановлюсь лишь на характерѣ, враждебномъ Славянскому движенію и послѣдней войнѣ. Это не голосъ русскаго земства; оно иначе относилось къ этимъ вопросамъ, и доказало это не словами, а дѣломъ пожертвованій, не только добровольныхъ, но первое время, даже и недозволенныхъ. Тотъ оттѣнокъ мнѣнія, который видѣнъ въ этихъ мѣстахъ Харьковскаго адреса, проявлялся въ немногихъ не національныхъ органахъ печати и особенно въ самой ненародной части Россіи, въ высшихъ слояхъ петербурскаго общества; здѣсь не рѣдко приходилось слышать возраженія противъ своевременности и умѣстности охватившаго Россію Славянскаго движенія; „зачѣмъ давать деньги Славянамъ, когда столько своихъ нуждающихся, зачѣмъ устроивать чужую судьбу, когда у себя дома столько неотложнаго, внутренняго дѣла.“ Кому не случалось этого слышать; надо признать, что, не принимая въ соображеніе условій русской среды, можно счесть это мнѣніе вполнѣ справедливымъ. Рѣже всего, почти никогда, эти мнѣнія не высказывались людьми, знавшими внутреннюю жизнь Россіи; это понятно, потому что для того, чтобы общество занялось тѣми

внутренними вопросами, которые стали столь дороги петербурскимъ высшимъ кругамъ, что имъ предлагалось жертвовать честью Россіи, выносить позоръ, надо, чтобы къ этому была возможность.

Но по сложившимся условіямъ въ года, предшествовавшіе славянскому движенію, изъ внутреннихъ вопросовъ доступны обществу были лишь:

1) разные виды наживы, которые по особымъ нашимъ условіямъ болѣе или менѣе связаны съ казнокрадствомъ (даже свободной биржевой игры у насъ нѣтъ... и здѣсь нужны связи, протекція) и

2) полицейская травля нигилистовъ.

Въ послѣдствіи исторія укажетъ намъ, сколько за это время духъ наживы поглотилъ живыхъ, образованныхъ русскихъ силъ... но нельзя же жаловаться на то, что все общество не удовольствовалось подобной дѣятельностью.

Когда именно въ высшихъ петербурскихъ кругахъ указываютъ на необходимость пожертвовать даже честью Россіи для скорѣйшей работы по внутреннимъ вопросамъ, мы считаемъ полезнымъ напомнить, что подобные вопросы имѣютъ, конечно, свою громадную важность, но когда нужно будетъ жертвовать, то честь Россіи конечно послѣднее, о чемъ придется вспомнить.*)

*) Даже матеріяльно подобныя жертвы слишкомъ дороги; непрочный міръ сегодня можетъ вызвать худшую войну завтра.

Именно въ Петербургѣ скорѣе слѣдовало бы обратить вниманіе на милліонныя награды людей, нанесшихъ иногда Россіи громадный вредъ, и на расхищеніе въ угоду имъ и ихъ любовницамъ государственныхъ земель.

Русское общество неповинно въ томъ, что тѣ болѣзненныя явленія, которыя допускаютъ это зло, задушили и славянское движеніе, свели на нѣтъ то, что было куплено такой дорогой цѣной, такими самоотверженными усиліями.

Теперь остается спросить, могъ ли дѣйствительный народный голосъ, отвѣтъ русскаго земства, требовать учрежденій, гарантій.

Мы не считаемъ этого возможнымъ потому,

1) что по простому чувству приличія нельзя на призывъ о содѣйствіи, помощи, отвѣчать, прося на водку.

2) что русское земство слишкомъ хорошо знаетъ, чего намъ недостаетъ, что дѣло не въ учрежденіяхъ и гарантіяхъ.

Припомнимъ главные моменты русской исторіи: она не знаетъ разныхъ отношеній народа къ своему царю: даже самыя возстанія дѣлались лишь именемъ царя. Но отношенія власти къ народу бываютъ двоякія. Тѣ періоды, которые въ исторіи и памяти народной оставили свѣтлое воспоминаніе, какъ царствованія Петра, Екатерины II, частью Елизаветы и Александра I и

несомнѣнно первое десятилѣтіе настоящаго царствованія, характеризуются довѣрчивымъ, спокойнымъ отношеніемъ власти къ своему народу. Не сомнѣваясь ни въ своей силѣ, ни въ любви народной, власть дѣйствуетъ смѣло, энергично; во внѣшнихъ дѣлахъ высоко держится народное знамя; внутри необходимыя преобразованія исполняются безъ страха и колебаній. Правительство по большей части идетъ впереди народа, нерѣдко опирается на образованное меньшинство и не опасается сопротивленія закоснѣлыхъ приверженцевъ старины или узкихъ противообщественныхъ интересовъ.

Совершенно иные результаты дали тѣ періоды исторіи, когда преобладающимъ характеромъ власти былъ страхъ, недовѣріе къ народу, опасеніе и розыски крамолы, когда власть, увлекаясь фантастическими или ненужными цѣлями, покидала путь національной политики извнѣ, живой работы развитія внутри. Не добромъ поминаетъ исторія времена Ивана Грознаго, Анны Іоановны, Павла I и времена Аракчеева и Магницкаго при Александрѣ I. Въ эти времена, при господствѣ страха и недовѣрія, самая воля самодержца подвержена безпрестаннымъ колебаніямъ; у самыхъ мягкихъ по природѣ проявляются порывы жестокости, нѣтъ послѣдовательности, не рѣдко преслѣдуются не русскія цѣли... Распусканіе окраинъ, стѣсненіе внутри Рос-

сіи; въ результатѣ внутри — безсиліе, во внѣшнихъ отношеніяхъ—позоръ.

Таковы два различные фазиса русской исторіи: верховники 1742 года не спасли Россію, не учрежденія ей нужны прежде всего другаго, а довѣрчивое отношеніе власти къ народу, отсутствіе розни.

Дѣйствительные представители народной мысли не могли не знать того, что такъ прекрасно выражено Ю. Ѳ. Самаринымъ въ самый разгаръ той убійственной работы, плоды которой мы теперь пожинаемъ. „Наступаетъ повидимому новый законодательный и общественный кризисъ, надвигается новая историческая напраслина и намъ остается привести себя въ такое же настроеніе духа, съ какимъ покорный паціентъ, привязанный къ постели, готовится встрѣтить не по разуму усерднаго фельдшера, охотника до трудныхъ операцій надъ anima vili. Неисправимый славянофилъ, я все таки вѣрю, что Россія, уйдя внутрь себя, оттерпится и на сей разъ и не умретъ подъ ножемъ; но когда она очнется, ощупаетъ себя и станетъ на ноги, найдетъ ли она при себѣ прежнюю вѣру въ правительство, въ крѣпость его слова, въ твердость его намѣреній, въ прочность и надежность его твореній?“

Вотъ почему мы и полагаемъ, что русская земля не могла отвѣтить на призывъ власти требованіемъ гарантій и учрежденій. Если мы видимъ, что цѣлая губернская

группа русскаго земства дала себя убѣдить столь ненародными мотивами, то въ этомъ виноватъ тотъ грустный характеръ правительственной дѣятельности, который проявился въ послѣдніе 10—14 лѣтъ. Земскіе дѣятели на каждомъ шагу встрѣчали открытое или тайное противодѣйствіе всѣхъ правительственныхъ вѣдомствъ: въ этомъ отношеніи не стѣснялись ни закономъ, ни приличіемъ; самыя несомнѣнныя права земства отнимались то новымъ закономъ, то беззастѣнчивымъ произволомъ. Мнѣнія земства спрашивались лишь для того, чтобы самымъ обращеніемъ съ этими мнѣніями доказать ненависть и презрѣніе къ земству. Съ каждымъ годомъ то въ одной, то въ другой области стѣснялась возможность земства работать на пользу народа.

Въ тоже время беззастѣнчиво развертывался духъ неправильной наживы, въ правительственныхъ сферахъ, ему всегда находились пособники, даже тѣ мнѣнія и дѣйствія, на борьбу съ которыми правительство призываетъ нынѣ русское земство и народъ, нерѣдко пользовались большимъ просторомъ и свободой, чѣмъ скромная работа земскихъ представителей.

Но что мнѣніе Харьковцевъ было, хотя понятное, почти вынужденное увлеченіе, но не дѣйствительное мнѣніе Земли, въ этомъ насъ убѣждаютъ работы всѣхъ другихъ русскихъ земствъ и существо ихъ ходатайствъ.*)

*) Очень сожалѣемъ, что неизвѣстность отвѣта другихъ русскихъ

Вспомнимъ нѣкоторыя земскія работы. Правительственныя коммиссіи, работающія надъ собираніемъ свѣдѣній по экономическимъ вопросамъ, обязаны земствамъ своими самыми драгоцѣнными матеріалами.

По податному вопросу всѣ земства признали необходимость разложить государственныя тягости на всѣ сословія, имущества и доходы; ихъ сужденія не были голословны; въ подтвержденіе ихъ представлены нѣкоторыми земствами замѣчательныя статистическія работы. Рядомъ съ безжизненными губернскими статистическими комитетами стали выростать живыя земскія бюро; и по податному вопросу и по дѣлу обложенія земства скоро оставили безплодный путь общихъ разсужденій, обратились къ серьезной мѣстной работѣ. Отвѣты земства по податному вопросу уже около десяти лѣтъ лежатъ безъ движенія, а оно не поскупилось на указанія неотложности скорѣйшаго разрѣшенія дѣла.

На вопросъ правительства о народномъ пьянствѣ, порокѣ искуственно развитомъ фискальными мѣрами, земства также безплодно отвѣтили указаніемъ весьма практичныхъ мѣръ. Наши административныя вѣдомства продолжаютъ вести излюбленную игру. Не дѣлая шага для исцѣленія сознаннаго зла, тѣже

земствъ лишаетъ насъ болѣе вѣскихъ аргументовъ: дѣйствительнаго отвѣта ихъ на тотъ же вопросъ; намеки, проскользнувшіе въ подневольную печать, вполнѣ подтверждаютъ наше мнѣніе.

вѣдомства охотно ссылаются на это зло, чтобы вызвать репрессивныя мѣры, чтобы говорить, что пьяный народъ неспособенъ оцѣнить оказанныхъ ему благодѣяній, что ему нужна палка, а не школа, взысканіе недоимокъ, строгія мѣры, а не хлѣбъ. И такъ на запросы правительства земство отвѣчало честно и вѣрно, указывая народныя нужды, подтверждая свои мнѣнія серьезными работами, но эти отвѣты не принесли пользы, остались безъ движенія. Не лучшую судьбу имѣли земскія ходатайства о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ; право это, данное положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, казалось самымъ драгоцѣннымъ правомъ. Въ этихъ ходатайствахъ высказывался нерѣдко мѣткій взглядъ земства на несовершенства существующаго законодательства; въ нихъ можно найти много удачныхъ разрѣшеній тѣхъ вопросовъ, которые столь безмятежно покоятся въ неисчислимыхъ Правительственныхъ Коммиссіяхъ, стоющихъ милліонныхъ расходовъ Государственному Казначейству. Немного находчивости и ума требовалось, попавшимъ къ исполненію реформъ, врагамъ ихъ, чтобы наглядно доказать земству всю тщету его надежды на свои ходатайства. Въ Петербургѣ быстро былъ изготовленъ обширный гробъ, въ которомъ свободно помѣщаются всѣ прежнія земскія ходатайства и вѣроятно много дальнѣйшихъ. Онъ называется

сборникомъ Прав. распор. по дѣламъ земства; здѣсь онѣ покоятся подъ общею надписью: „Объ отклоненіи нѣкоторыхъ ходатайствъ земства.“

Если память намъ не измѣняетъ, то только одно ходатайство удостоилось не только удовлетворенія, но и одобренія правительства,—это просьба Мокшанскаго земства, Пензенской губ., объ учрежденіи еще трехъ полицейскихъ урядниковъ и притомъ на земскій счетъ.

Мы вполнѣ согласны, что въ въ общемъ выводѣ результатъ 13—15 лѣтней работы земства нельзя назвать блестящимъ; перечислимъ сдѣланное: въ дѣло обложенія и продовольствія вообще внесенъ порядокъ, особенно по оцѣнкѣ предметовъ обложенія совершены мѣстами замѣчательныя работы; введено взаимное страхованіе и принимаются мѣстами полезныя, мѣстами безполезныя мѣры для ослабленія значенія пожаровъ; почти повсемѣстно натуральныя повинности переложены на денежныя; вмѣсто однихъ крестьянъ, тяжесть переложена на все земство; почти вездѣ крестьяне знакомятся съ леченіемъ, частью амбулаторнымъ, частью въ земскихъ больницахъ; школы со времени введенія земства увеличились въ громадной пропорціи, число ихъ все таки недостаточно и очень неровно распредѣлено. Первыя учительскія семинаріи были земскія.

Я не желаю здѣсь восхвалять земскую дѣятельность и конечно, не менѣе самыхъ злыхъ враговъ земства, знаю его темныя стороны, но изъ за нихъ не слѣдуетъ забывать серьезныхъ заслугъ земства.

Всесословность, впервые внесенная Положеніемъ 1-го Янв. 1864 года въ русскую жизнь, дѣйствительно привилась въ самомъ лучшемъ своемъ смыслѣ. Почти вездѣ отсутствуетъ узкій сословный духъ; дворяне гласные чувствуютъ и признаютъ себя не дворянами исключительно, а именно земскими людьми. Горожане принимаютъ очень мало участія въ земствѣ, крестьяне въ большинствѣ случаевъ относятся довольно пассивно къ работамъ собраній, но даютъ серьезный контингентъ земскихъ работниковъ, членовъ Управъ; руководство дѣломъ, центръ тяжести лежитъ въ гласныхъ дворянахъ. Крестьяне охотно уступаютъ нравственный перевѣсъ дворянамъ, когда они видятъ, что ихъ одушевляетъ общая, а не сословная польза. А такъ было въ очень многихъ мѣстахъ, почти всюду, гдѣ земство живое, рабочее. Скажу болѣе, во всѣхъ земствахъ, гдѣ не преобладаетъ простая борьба изъ за мѣстъ, именно знамя прогресса, движенія впередъ держали дворянскіе гласные, дѣйствуя нерѣдко въ ущербъ своимъ сословнымъ интересамъ и уже всегда безъ личной пользы для себя. Если при этомъ сдѣланное составляетъ лишь ничтожную долю того, что

предстоитъ сдѣлать, то въ объясненіе нужно припомнить нѣкоторыя условія работы. Земскія учрежденія родились позже положенія о крестьянахъ, они не имѣли своего времени первыхъ посредниковъ. Крутая перемѣна въ отношеніи Петербурга къ реформамъ застала ихъ почти при зарожденіи, порывъ плодотворной работы былъ тотчасъ обданъ холодомъ; не было недостатка ни въ законахъ, которые стѣсняли ихъ дѣйствія, ни въ самомъ безцеремонномъ примѣненіи существующихъ законовъ въ ущербъ земству. Морозъ хватилъ еще не окрѣпшее растеніе и развитіе его пошло медленно. Для людей, которые способны слишкомъ розово смотрѣть на современные административные пріемы, слѣдуетъ сказать, что мнѣ извѣстны три предсѣдателя только Губернскихъ Управъ, которые были удалены административнымъ порядкомъ вѣроятно для укрѣпленія въ нихъ убѣжденія въ несмѣняемости.

Всего болѣе въ корнѣ подрѣзана земская дѣятельность не этими проявленіями административной мощи, а нѣсколькими законами и еще чаще отказами въ пополненіи пробѣловъ закона, чѣмъ широко открыты всѣ невыгодные шансы для земства. Вспомнимъ законъ, давшій чрезмѣрную власть предсѣд. собр., т. е. предводителю Дворянства, запрещеніе земской гласности или отдача ея въ полный произволъ губернатора, разныя изъятія и стѣсненія въ дѣлѣ земскаго об-

ложенія; не смотря на то, что очень важныя дѣла откладывались, когда собраніе не состоялось, по неприбытію достаточнаго числа Гласныхъ, всѣ ходатайства объ указаніи въ этомъ отношеніи законнаго исхода нуждамъ не были удовлетворены; лишь настоятельная потребность для самого правительства въ своевременномъ разсмотрѣніи нѣкоторыхъ дѣлъ вызвала измѣненіе закона во время войны. Извѣстны послѣдствія въ Черниговскомъ, напримѣръ, собраніи настоятельныя нужды двухъ уѣздовъ, Суражскаго и Мглинскаго, въ продовольствіи, а также вопросъ изученія ихъ экономическаго положенія, оставались нерѣшенными, то потому что предсѣдатель запрещалъ обсужденіе, то потому что нѣсколько Гласныхъ изъ крѣпостниковъ находили сообразнымъ съ своимъ интересомъ срывать собраніе, т. е. удаляться передъ разсмотрѣніемъ вопроса и оставлять собраніе при недостаточномъ числѣ Гласныхъ. Выводъ на лицо: недоимки и продовольственныя нужды крестьянъ, неудовлетворенныя своевременно, дошли до того, что правительство взяло дѣло въ свои руки, командировало Коммиссію изъ чиновниковъ.

Послѣ ряда неудачъ, въ лучшихъ земскихъ дѣятеляхъ замѣчается охлажденіе, весьма многіе, въ началѣ усердно работавшіе въ Управахъ, теперь считаютъ безполезнымъ оставаться даже членами Собраній. Какъ

ни грустны подобные факты, но ихъ слѣдуетъ признать логическимъ выводомъ нашего народнаго характера: мы не англо-саксонцы, которые и упорно отстаиваютъ свое сословное право и способны закаляться въ борьбѣ, вслѣдствіе встрѣченнаго сильнаго противодѣйствія; готовые на жертву, принимаясь горячо за дѣло, мы также легко отстаемъ отъ него, если вмѣсто скорыхъ результатовъ безпрепятственной работы, намъ приходится встрѣчать ежеминутные, то крупные, то мелкіе, но во всякомъ случаѣ досадныя препятствія.

Каковы они были на дѣлѣ, лучше всего уясняетъ печальная исторія земскихъ учительскихъ семинарій; она слишкомъ жива въ сознаніи русскаго общества, для того, чтобъ была надобность излагать ее здѣсь подробно: земскія учительскія семинаріи были первыя, устроенныя во внутреннихъ губерніяхъ Россіи; онѣ шли вообще хорошо, но затѣмъ возникла положительная травля ихъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Результатомъ этой печальной борьбы является или закрытіе ихъ, или передача ихъ въ руки Министерства. Борьба съ этимъ упорнымъ вѣдомствомъ, которое никогда не отступаетъ передъ самыми смѣлыми пріемами, не совпадающими ни съ нравственностью, ни съ закономъ, очевидно непосильна отдѣльнымъ земствамъ*).

*) Во главѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія стоитъ лицо, котораго антипатія къ земству и народной школѣ извѣстна, по

АКАДЕМ

Выше мы привели выдающіеся итоги земской дѣятельности; надѣемся, что знающіе люди не сочтутъ ихъ пристрастными; остается прибавить, что вообще работа очень неровна; сдѣланное прямо пропорціонально наличнымъ силамъ образованныхъ людей и обратно пропорціонально встрѣченному противодѣйствію.*)

этому эта борьба не представляетъ неожиданности; гораздо болѣе достойно вниманія, что въ излюбленныхъ г. Министромъ классическихъ гимназіяхъ держатся небольшаго варіанта прежняго фельдфебельскаго правила — десять забить, чтобы одного выучить, здѣсь десять человѣкъ исключаютъ, чтобы одного выпустить.

*) Какъ примѣръ такого противодѣйствія, напомню Самарскую губ.: дѣла шли порядочно, когда губернаторомъ назначенъ былъ Климовъ; онъ началъ съ удаленія административнымъ порядкомъ Предсѣдателя губ. Управы. Затѣмъ онъ отрицалъ самое существованіе свирѣпствовавшаго въ губерніи голода, чѣмъ вызвалъ милліонные лишніе расходы, такъ какъ хлѣбъ для голодающихъ не былъ заготовленъ во время навигаціи, когда могъ быть купленъ вдвое дешевле; впрочемъ, это было можетъ быть дѣло невиннаго увлеченія: администраторъ, прибывшій изъ Западнаго края, не понималъ голода при пшеничномъ хлѣбѣ и ношеніи сапогъ. Онъ пояснялъ сомнѣвающимся, что въ Минской губ, и безъ голода ходятъ въ лаптяхъ и ѣдятъ хлѣбъ съ мякиной. Началась безпощадная продажа скота за недоимки, продававшіе полицейскіе чиновники сами скупали его чрезъ подставныхъ лицъ. Русскому обществу голодъ сталъ извѣстенъ со словъ проѣзжаго писателя, Гр. Льва Ник. Толстаго; обезсиленное земство молчало, но и въ немъ еще искали скрытую крамолу: еще одна уѣздная Управа въ полномъ составѣ принесена была въ жертву значенію власти губернатора; въ результатѣ, не смотря на щедрыя пожертвованія всей Россіи, неоплатные недоимки и долги доселѣ остаются на этой, одной изъ самыхъ плодородныхъ губерній Россіи, а губернаторъ получилъ повышеніе по службѣ. Упоминаю объ этомъ, какъ очевидецъ: мнѣ пришлось посѣтить Самару во время голода по просьбѣ Ю. Ѳ. Самарина: я, кажется, никогда не забуду первыхъ впечатлѣній этой поѣздки. Въ столичныхъ газетахъ открыто говори-

Остается разъяснить, чего же не достаетъ нашему земству? По моему мнѣнію, кромѣ общаго недостатка способныхъ людей прежде всего, низшей земской единицы, всесословной волости, болѣе широкаго основанія. За этотъ недостатокъ земству болѣе всего приходится выслушивать нареканій: онъ придаетъ нашему земству характеръ недостаточной устойчивости, недостаточной близости къ жизненнымъ потребностямъ населенія. Земство, не имѣющее своихъ нисшихъ органовъ, вынуждено безпрестанно обращаться къ плохо организованнымъ крестьянско-сословнымъ правленіямъ; здѣсь то и находится Ахиллесова пята многихъ дѣйствій земства. Какъ примѣръ неправильныхъ нареканій, вспомнимъ дороги. Кто не жалуется за нихъ на земство, а многіе ли знаютъ, что земству переданы лишь коммерческія и почтовыя дороги, которыя и находятся въ общемъ болѣе сносномъ видѣ, дороги же проселочныя, самыя важныя въ народно-хозяйственномъ отношеніи, находятся по

ли о голодѣ, но мѣстный администраторъ все не признавалъ его. Въ клубахъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ даже запрещалось употребленіе этого слова. Административные разсказы о благополучіи, обыденное теченіе городской жизни и отсутствіе нищихъ на улицахъ на меня лично произвели успокоивающее впечатлѣніе, закралась мысль, что въ корреспонденціяхъ должно быть много преувеличеннаго. Тутъ случай заставилъ меня выѣхать за городъ; при самомъ выѣздѣ на окраинѣ города я былъ встрѣченъ толпою голодныхъ, истомленныхъ людей, обратившихся съ скромной, но настойчивой просьбой «Христа ради работы.» Оказалось, что для охраненія благолѣпія города считалось вреднымъ впускать ихъ въ Самару.

прежнему на отвѣтственности владѣльцевъ земли и подъ мнимымъ наблюденіемъ полиціи.

Опираясь на болѣе широкое основаніе, на всесословную волость, устроенную по образцу земствъ, а не по мечтаніямъ петербургскихъ крѣпостниковъ, земство будетъ имѣть конечно серьезныя причины желать увѣнчать зданіе, обставиться и сверху также правильно, какъ и снизу; вопросъ лишь въ томъ, представительныя ли учрежденія, въ европейскомъ смыслѣ, для того требуются.

Кто согласится съ изложеннымъ выше историческимъ обзоромъ, тотъ признаетъ, что первая насущная потребность не представительное учрежденіе, а возстановленіе довѣрія, дружной работы, однороднаго спокойнаго отношенія власти къ земскимъ учрежденіямъ: если бы вмѣсто противодѣйствія (вызваннаго ненавистью средней администраціи и возбужденнаго этимъ путемъ недовѣрія, почти страха высшей) земство встрѣчало бы отъ власти то содѣйствіе, на которое оно въ правѣ разсчитывать по закону; если бы осуществилась та свобода печати и мнѣній, о которой ходатайствовала Московская Дума, таково ли было бы наше положеніе, какъ нынѣ?

Теперь искуственно возбужденнымъ антагонизмомъ земство противупоставлено администраціи: оно испрашиваетъ льготы, ссуды населенію, однимъ словомъ пред-

ставляетъ населеніе передъ властью; мы уже видѣли, что администрація не всегда охотно исполняла самыя скромныя просьбы земства. Но въ самомъ существѣ этого отношенія есть извращеніе историческаго хода прогрессивной работы, очень соотвѣтствующаго существующему у насъ безлюдію.*)

Мы исторически привыкли видѣть власть впереди народной работы, она должна вести за собою Землю, какъ и было въ первое десятилѣтіе настоящаго царствованія; но съ тѣхъ поръ, какъ этотъ путь покинутъ и власть усвоила себѣ неблагодарную, ненародную роль тормаза, мы видимъ, что земскія дѣла пошли хорошо лишь тамъ, гдѣ образованные люди съумѣли взять ихъ въ свои руки; имъ пришлось съ немалыми усиліями вести и самую работу и борьбу съ ненужными стѣсненіями. Достойно вниманія, что почти все истинно полезное въ дѣятельности земства признается закономъ необязательнымъ: таковы, между прочимъ, леченіе и образованіе народа; правительство не можетъ требовать работы; сонное, безжизненное, отдѣльное земство,

*) Здѣсь необходима оговорка. Безлюдіе не исключаетъ замѣчаемаго у насъ недостатка работы для многихъ образованныхъ людей; признавая абсолютное безлюдіе, я всего менѣе склоненъ отрицать замѣчательное неумѣніе пользоваться людьми, назначать, выбирать, неумѣніе, въ которомъ наши общественныя учрежденія, иногда, конкуррируютъ съ администраціей. Не нужно забывать, что именно на начальственныя мѣста у насъ попадаютъ люди неспособные; понятно, что и подчиненныхъ они выбираютъ по образу и подобію своему.

наносящее громадный вредъ, не можетъ быть возбуждено къ работѣ ни администраціей, ни болѣе крупной земской единицей. Выше мы видѣли, какъ относится администрація къ земской работѣ, хотя бы къ простому добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей, когда это прійдется не по нраву даже мѣстному представителю административной власти; справедливость требуетъ заявить, что священное право ничего не дѣлать никогда не подвергалось сомнѣнію и что, въ этомъ отношеніи, сама администрація ревниво оберегала самостоятельность земства.

Вслѣдствіи всего вышесказаннаго я полагаю, что когда земскимъ учрежденіямъ приходится заявлять о нуждахъ Россіи, они прежде всего укажутъ на необходимость низшей земской единицы и особенно на возстановленіе дружной довѣрчивой работы съ правительствомъ. Это я считаю столь существеннымъ, что въ зависимость отъ удовлетворительнаго разрѣшенія этого вопроса ставлю и самыя представительныя учрежденія или Общую Земскую Думу.

Если къ концу 25 лѣтія царствованія, или въ другое время, верховная власть признаетъ своевременнымъ вознаградить свой народъ за терпѣніе и глубокую вѣру въ царскія слова „лучше сверху, чѣмъ снизу, и прошедшее въ глазахъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ должно служить залогомъ будущаго,“ то, конечно,

не найдется русскаго человѣка, который не принялъ бы съ благоговѣніемъ новыя учрежденія. Это будетъ актъ возстановленія довѣрія верховной власти къ народу, конецъ тяжелой существующей розни; Россія въ короткое время совершитъ чудеса, разрѣшитъ то, что теперь представляется неразрѣшимымъ.

Прійдется только озаботиться, чтобы въ мѣхи новые не вливалось вино старое, чтобъ, накопившіеся за время застоя и недовѣрія, противообщественные элементы легкой наживы не проложили бы себѣ пути въ общую Думу для продолженія прежней игры*)

Но настолько же, насколько намъ сочувственны представительныя учрежденія, если они даны по свободному почину верховной власти, т. е. при желаніи ея вновь стать во главѣ народнаго движенія, работать за одно съ народомъ; настолько же намъ непонятно вымаливаніе, выпрашиваніе этихъ учрежденій со стороны земства, особенно въ затруднительную для власти минуту, вызванную причинами другими, чѣмъ разстроенные финансы.

Подобная просьба можетъ имѣть два исхода:

*) Подобный примѣръ мы видимъ на судебномъ вѣдомствѣ: одинъ министръ, котораго потому нельзя назвать врагомъ судебныхъ уставовъ, что самый духъ ихъ былъ вполнѣ непонятенъ его административной натурѣ, наполнилъ суды исправниками и гусарами, просто отстранивъ право самоизбранія, другой министръ возстановивъ самоизбраніе при искаженномъ составѣ, увѣковѣчилъ такимъ образомъ этотъ составъ судебнаго сословія.

1) власть, не сознающая еще необходимости этихъ учрежденій, можетъ ихъ дать, чувствуя себя вынужденною къ тому затрудненіями, значеніе которыхъ она преувеличиваетъ: если они будутъ дарованы такимъ образомъ и притомъ не только безъ устраненія недовѣрія къ народу, но съ усиленіемъ его, всей горечью, какая накопится, вслѣдствіе того, что учрежденія даны подъ давленіемъ нужды, то мы сочтемъ это истиннымъ несчастіемъ для Россіи: данное по неволѣ легко будетъ отнято, въ послѣдующую минуту, когда разсѣятся воображаемые страхи. Я не останавливаюсь на этомъ предположеніи, такъ какъ, не смотря на преувеличенный страхъ правительства, оно все таки не уступило. 2) Другой исходъ, болѣе печальный, но и неизбѣжный для всѣхъ подобныхъ просьбъ, не опирающихся на достаточно серьезныя основанія: они отвергаются, но оставляютъ печальный слѣдъ, исполняютъ работу всѣхъ противобщественныхъ элементовъ, усиливаютъ и безъ того вредное и сильное недовѣріе правительства къ земству.

Я, конечно не отрицаю существованія другаго историческаго момента: власть можетъ упорствовать въ непризнаніи народныхъ нуждъ, можетъ не желать слушать голоса Земли, но Земля сильна сознаніемъ своей работы и невозможностію для власти обойтись безъ ея помощи. Обыкновенно плохое веденіе финансовыхъ

дѣлъ приводитъ власть къ необходимости обратиться къ Землѣ за финансовымъ содѣйствіемъ: тогда наступитъ время сказать твердое слово, потребовать то, чего не даютъ, но тогда будетъ вѣроятно и сила удержать взятое.

Всякій согласится, что мы еще не дожили до этого момента, но благодаря административному ослѣпленію и расточительности мы приближаемся къ нему быстрыми шагами. Неизвѣстно, что насъ ожидаетъ, но мы знаемъ, что всѣ истинные друзья Россіи желаютъ представительныя учрежденія, данныя свободнымъ починомъ власти; люди земской работы не могутъ довольствоваться пожеланіями: они знаютъ, что Земля въ правѣ отъ нихъ требовать исполненія ихъ долга при всякомъ ходѣ событій. Если существующему ослѣпленію власти суждено продлиться, если вслѣдствіе расхищеній и нехозяйственнаго веденія государственныхъ дѣлъ, финансовый вопросъ по неволѣ приведетъ къ представительнымъ учрежденіямъ, то людямъ земли предстоитъ сдѣлать такъ, чтобы новая работа не застала ихъ въ расплохъ, чтобы они были въ состояніи вести ее съ успѣхомъ, отстоять то, что будетъ дано.

Если это будетъ такъ, на что есть основаніе надѣяться, то можно считать вообще мирный успѣхъ для Россіи обезпеченнымъ.

По поводу представительныхъ учрежденій считаю

полезнымъ напомнить, что наша славянская натура убережетъ насъ отъ излишней привязанности къ формѣ; не въ ней дѣло и потому я, конечно, признаю болѣе соотвѣтственнымъ истинному духу представительнаго правленія, ходъ дѣлъ въ первое десятилѣтіе настоящаго царствованія, чѣмъ управленіе, напримѣръ, Турціею при парламентѣ Митхада Паши. Стоитъ только припомнить и способы работы у насъ и достигнутые результаты, чтобы съ этимъ безусловно согласиться. Правительство желало серьезной освободительной работы, оно вмѣстѣ съ обществомъ проснулось отъ долгаго застоя, желало загладить понесенное пораженіе. О выборахъ нечего было и думать: выборы между дворянами дали результатомъ противоположные видамъ правительства и пользѣ страны. Оставался одинъ путь: привлекая возможно болѣе людей общества, судить о ихъ способностяхъ по самой работѣ и выбирать ближайшихъ дѣятелей изъ людей, обрисовавшихся энергіей труда, прямотой своихъ убѣжденій, не смотря на то, выставлены ли они большинствомъ или меньшинствомъ. Въ первое десятилѣтіе этотъ пріемъ былъ примѣненъ нѣсколько разъ, но чтобъ оцѣнить всю плодотворность его результатовъ, достаточно припомнить образованіе редакціонныхъ Коммиссій*) и на-

*) Редакціоннымъ Коммиссіямъ пришлось нѣсколько разъ обладать противоположными свойствами, если вѣрить ходячимъ о нихъ мнѣ-

значеніе первыхъ посредниковъ, и тѣ и другіе оставятъ въ исторіи самыя свѣтлыя воспоминанія. Въ то время общественная работа еще была совершенно неизвѣстна. существовавшіе теоретическіе лагери славянофиловъ и западниковъ не составляли партій, ибо всегда готовы были сойдтись на полѣ преобразовательной работы и имѣли многочисленныхъ, ожесточенныхъ, общихъ противниковъ въ друзьяхъ застоя и неподвижности; ясно, что избранный путь вполнѣ соотвѣтствовалъ желаніямъ лучшей части Земли.

Совершенно тѣмъ же руководствовались, когда пред-

ніямъ въ обществѣ и печати: когда производилась ихъ почтенная работа, которая долго останется недосягаемымъ образцомъ честнаго, даровитаго труда, съ легкой руки помѣщиковъ ихъ обозвали красными и увѣряли, что работа ихъ принесетъ гибель Россіи. Но она совершилась, въ положеніе вошли многія искаженія ихъ работы, о томъ, что они считали нужнымъ и неотложнымъ, вслѣдъ за освобожденіемъ, перестали и думать и вотъ теперь, когда самые блестящіе дѣятели редакціонныхъ Коммиссій сошли въ могилу, съ легкой руки г. Янсона, вошло въ моду опорочивать ихъ трудъ, считать его произведеніемъ чуть не крѣпостнической мысли; имъ ставится въ упрекъ даже то, что они они ожидали быстраго экономическаго прогресса Россіи вслѣдствіе освобожденія. Я не знаю, обязаны ли они были быть пророками, но полагаю, что въ объясненіе несбывшагося пророчества они съ успѣхомъ могли бы указать на застой административной работы и на то, что исполненіе реформы, послѣ короткаго времени первыхъ посредниковъ, попало въ руки или неспособныя или враждебныя реформѣ. Вообще встрѣчая подобные нападки въ русской либеральной печати, мы считаемъ ихъ за недоразумѣніе; вполнѣ умѣстными можно ихъ признать лишь въ органахъ, въ родѣ «Биржевыхъ Вѣдомостей,» нынѣшней «Молвы.» которымъ такъ хорошо дышется въ міазмахъ казнокрадства и ненаціональной внутренней и внѣшней политики.

стояло совершить серьезный трудъ преобразованія крестьянскаго и экономическаго быта царства польскаго; дѣло было поручено тремъ людямъ испытанныхъ способностей; они изучили его, составили проэкты, которые и были утверждены. Двое изъ нихъ приводили въ исполненіе реформы; для того, чтобы набрать мелкихъ исполнителей, употребленъ былъ прежній пріемъ: звали всѣхъ желающихъ, изъ нихъ выбирали безъ протекціи самыхъ способныхъ, старались спеціально подготовить къ работѣ*). Понятно, что при такомъ подборѣ всего сильнаго, желающаго и способнаго работать, дѣла шли успѣшно.

Но недолго продолжался этотъ порядокъ: скоро власть попала въ руки враговъ реформъ, дѣлался тоже подборъ, но уже съ обратною цѣлью. Первое, что требовалось, — это отсутствіе убѣжденій, способность всегда по приказанію начальства нарушать законъ, и пережили мы сначала „сомнѣвающихся и легковѣсныхъ“ нашего сатирика, а затѣмъ и дошли до помпадуровъ борьбы, то есть борьбы со всякой самостоятельностью или съ вѣрою въ данныя права**).

*) Ник. Ал. Милютинъ около шести недѣль прожилъ съ выбранными имъ комиссарами, изъ людей университетскаго образованія и молодыхъ офицеровъ; онъ заставлялъ ихъ изучать положеніе, знакомился съ ихъ взглядами, объяснялъ имъ значеніе ихъ будущей дѣятельности; за то легко было на работѣ узнать людей, прощедшихъ черезъ эту школу.

**) Я счелъ полезнымъ остановиться на этихъ фактахъ нашего не-

Теперь слѣдуетъ обратиться къ тому, что признается самымъ опаснымъ для мирнаго развитія, къ тѣмъ разрушительнымъ началамъ, для борьбы съ которыми правительство призываетъ русскій народъ.

Разноименное направленіе это, имѣвшее въ началѣ крайне немногочисленныхъ послѣдователей, теперь повидимому имѣетъ значеніе ; число его приверженцевъ доходитъ до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, общее вниманіе на нихъ обращено фанатизмомъ тѣхъ отдѣльныхъ личностей, которыя проявили свою дѣятельность въ очень ловкихъ, безнаказанныхъ убійствахъ и попыткахъ къ уличнымъ безпорядкамъ въ Одессѣ. Замѣчательно, что въ 78 году, не смотря на смѣлое проявленіе ихъ дѣятельности, исполнителямъ убійствъ и безпорядковъ почти всегда удавалось скрыться.

Постараемся въ кратцѣ возстановить себѣ исторію

давняго прошлаго, такъ какъ въ нихъ не мало поучительнаго для того будущаго, которое выразится возстановленіемъ преобразовательной работы. Въ началѣ царствованія, вспоминая предшествовавшій періодъ застоя и уродливаго воспитанія (ограниченіе числа студентовъ, преобладаніе выправки надъ знаніемъ), говорили, что Россіи на тридцать лѣтъ наготовлено дураковъ. Когда начались преобразованія, недостатокъ людей далъ себя чувствовать гораздо менѣе, чѣмъ ожидалось : оказались люди прежняго времени, менѣе пострадавшіе отъ застоя, люди сороковыхъ годовъ. Если теперь потребуются люди, то мало надежды, чтобы искалѣченные, часто неграмотные, юноши, которыхъ гимназіи графа Толстаго только и допускаютъ до высшаго образованія, могли бы доставить нужный контингентъ. Но не нужно забывать, что и у насъ была передышка до 66-го года и люди, успѣвшіе образоваться въ это время, сослужатъ службу Россіи.

движенія съ 60-го года: въ это время въ университетахъ существовали кассы и сходки, возбужденіе мысли было очень сильно въ молодежи, какъ и во всемъ русскомъ обществѣ; обыкновенное чтеніе было *Колоколъ*, почти свободно обращавшійся, и *Современникъ*; живой интересъ возбуждало ряспространеніе грамотности въ народѣ; повсемѣстно устраивались воскресныя школы, учащееся юношество въ свободные часы ходило учить въ эти школы; сначала не было организовано никакого надзора, когда же онъ былъ устроенъ, то оказалось, что въ нѣкоторыхъ, очень немногихъ школахъ, пробовали, конечно, вполнѣ безуспѣшно, пропагандировать, „что Бога нѣтъ и Царя не надо.“ Здѣсь впервые былъ употребленъ тотъ несчастный административный пріемъ, который у насъ надѣлалъ столько зла: вмѣсто удаленія изъ школъ немногихъ пропагандистовъ, наказанія ихъ, если нужно, и усиленія надзора, предпочли за дѣйствія двухъ, трехъ человѣкъ, оставленныя въ добавокъ безъ послѣдствій, наказать всѣхъ: воскресныя школы были повсемѣстно закрыты.

Еще до 60 г. подъ вліяніемъ желанія рабски подражать европейскимъ порядкамъ уничтожены казенные студенты, т. е. студенты содержимые на счетъ правительства, въ общихъ квартирахъ; имъ стали выдавать стипендіи. Въ 61 году, уничтоживъ форменную одежду студентовъ, подчинили ихъ общей полиціи внѣ

университета; въ 60—61 гг. студенческія сходки стали очень бурны, далеко заходили за предѣлы дозволеннаго. Въ виду этого новый министръ народнаго просвѣщенія гр. Путятинъ хотѣлъ ввести полное запрещеніе сходокъ и довольно стѣснительныя правила; результатъ: студенческія исторіи 61 года многихъ выбросившія изъ университета; въ этихъ исторіяхъ, блестяще доказавшихъ безтактность и неумѣлость администраціи, высказалось между прочимъ въ Москвѣ, во первыхъ озлобленіе простонародія противъ студенчества, движеніе студентовъ себѣ разъясняли такъ, что это дворянчики о крѣпостномъ правѣ хлопочутъ, и во вторыхъ расколъ между самими студентами: была значительная группа студентовъ, рѣзко высказавшая свое несочувствіе къ безпорядкамъ. Профессора имѣли сильное и успокоивающее вліяніе на студентовъ. Въ общемъ студенческія исторіи 61 года и по мягкому отношенію къ нимъ верховной власти и по приличному и достойному поведенію студентовъ оставляютъ отрадное впечатлѣніе. Вліяніе на послѣдующее имѣетъ только значительное переселеніе студентовъ въ заграничные университеты: въ одномъ Гейдельбергѣ съ 61-го по 63 годъ было постоянно около ста русскихъ студентовъ и слушателей, они могутъ служить лучшимъ доказательствомъ того, какъ разрушительныя анархическія стремленія уступаютъ мѣсто болѣе правильнымъ, спокойнымъ мнѣніямъ,

когда борьба происходитъ общественная, безъ неловкихъ вмѣшательствъ произвольной власти. Въ 61 году Гейдельбергъ былъ набитъ ярыми приверженцами лондонскихъ эмигрантовъ. Гейдельбергская колонія пользовалась особымъ благоволеніемъ лондонскихъ вождей, изданія ихъ высылались даромъ въ русскую читальню, которая должна была служить органомъ обращенія новоприѣзжихъ. Въ Гейдельбергъ былъ командированъ сынъ Герцена, которому былъ устроенъ торжественный обѣдъ человѣкъ на сто; обѣдъ этотъ памятенъ случайнымъ его участникамъ, какъ образецъ холопства и нелѣпости эмигрантской среды. Сыну Герцена всѣхъ представляли, онъ показывался не иначе какъ въ сопровожденіи двухъ адъютантовъ изъ нигилистовъ. Въ углу комнаты, гдѣ собрались, была поставлена косая не крашеная доска и на ней, вѣроятно вмѣсто образа, фотографіи Герцена и Огарева; нелѣпость провозглашенныхъ тостовъ превышала всякое вѣроятіе, напримѣръ, за освобожденіе крестьянъ и самаго великаго дѣятеля по этому вопросу Н. П. Огарева.

Но не смотря на страсть къ торжественности, суть дѣла у лондонской колоніи не спорилась: въ читальню никто не ходилъ, потому что не стоило тамъ читать „Колоколъ,“ когда можно было имѣть его дома, купивъ въ любой книжной лавкѣ; русскіе газеты и журналы, которые преимущественно интересовали пу-

блику по неимѣнію средствъ и порядка не выписывались. Наконецъ пришлось учредителямъ читальни пойти на сдѣлку,—столковаться съ остальными русскими студентами, пріѣхавшими просто учиться; сговорились такъ: читальня служитъ только для чтенія, сходки и разговоры тамъ запрещены; за этимъ наблюдаютъ выбранные распорядители, выписываются русскія книги и журналы, для чего производится единовременный и мѣсячный сборъ, употребляемый исключительно на читальню. Дѣла читальни пошли отлично, сдѣлка соблюдалась строго, сначала нравственный, а потомъ и численный перевѣсъ до такой степени былъ не на сторонѣ пропагандистовъ, что когда въ 63-мъ году въ серьезной русской можодежи возбудилось національное движеніе, во время польскаго возстанія, въ Гейдельбергѣ отлично пошла подписка въ пользу русскихъ солдатъ, раненыхъ въ Польшѣ. Эта подписка возбудила ярость оставшихся приверженцевъ Герцена, но она была безсильна; устроенная ими подписка въ пользу поляковъ и по числу лицъ и по суммѣ не достигла и десятой части первой. Читатель проститъ этотъ длинный разсказъ, который, я полагаю, доказываетъ возможность успѣшной борьбы съ движеніемъ одними средствами общества.

Понятно, что и внутри Россіи петербурскіе пожары 62-го года и польское возстаніе произвели перемѣну

въ направленіи умовъ молодежи, въ смыслѣ успокоивающемъ и національномъ; мы не будемъ здѣсь останавливаться на подробностяхъ, выдающійся фактъ тотъ, что до 66-го года министерство народнаго просвѣщенія работало очень успѣшно, а политическихъ процессовъ было очень мало; это слѣдуетъ приписать живой работѣ внутри и на окраинахъ; конечно, и Россіи и учащемуся юношеству добромъ можно вспомнить это время.

Злосчастному выстрѣлу Каракозова суждено было прервать это мирное теченіе.

Съ тѣхъ поръ круто измѣнились прежнія взаимнодобродушныя отношенія, то что мы пережили въ высшей степени печально и покуда безъисходно.

Администрація какъ бы потерялась, отечество было признано въ опасности, принимались общія крутыя мѣры. Въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, всѣхъ учебныхъ заведеній и печати, всѣ соображенія государственной и народной пользы приносились въ жертву неумолимымъ требованіямъ благонадежности; послѣ каждаго политическаго процесса измѣнялись законы въ смыслѣ все большей суровости и безправія; *) администрація въ

*) Отъ суда присяжныхъ въ дѣлѣ Нечаева мы черезъ особое присутствіе Сената доѣхали до военныхъ судовъ, назначеніе которыхъ опредѣлено такъ широко, что можетъ быть примѣнено ко всякому случаю.

странѣ добрѣйшаго Государя Европы не стѣснялась принимать мѣры, достойныя по своей жестокости самыхъ варварскихъ временъ; *) а въ результатѣ чуть не вся страна, а во всякомъ случаѣ правительство, находится въ сильнѣйшемъ страхѣ отъ шайки безъименныхъ убійцъ.

Молодежь высшихъ учебныхъ заведеній, которая еще въ послѣднюю войну доказала свою способность самоотверженно работать по первому призыву верховной власти, все болѣе озлобляется новыми огульными мѣрами, дѣлающими ея жизнь невозможною и такимъ образомъ подготовляется къ тому, чтобы свои горячія бойкія силы по неволѣ отдавать на службу разрушенія.

Я позволяю себѣ считать, что для всякаго человѣка, неослѣпленнаго страхомъ, ясно, что всѣ мѣры правительства съ 1866 года, направленныя прямо противъ движенія революціонеровъ или для косвеннаго его ослабленія, оказались недѣйствительными или приносили прямой вредъ.

Замѣчательно, что полезны были лишь мѣры, принимавшіяся высочайшою властью, въ разрѣзъ общей системѣ: таково напримѣръ помилованіе кіевскихъ сту-

*) Неосновательное хватаніе тысячъ людей, безчеловѣчное содержаніе ихъ по три года въ тюрьмѣ, безчисленныя высылки административнымъ порядкомъ, положительная травля оправданныхъ по суду: всѣ эти новые порядки, которые заставляютъ вздыхать о простыхъ, хотя суровыхъ, пріемахъ администраціи Николая I.

дентовъ, смягченіе и почти отмѣна назначенныхъ имъ наказаній; эта мѣра подѣйствовала столь благотворно, что въ нынѣшнемъ году, не смотря на всѣ хлопоты агитаторовъ, имъ не удалось возбудить движенія между кіевскими студентами. Я не потому только остановился на этой мѣрѣ, что она кротка; когда рѣчь идетъ о молодыхъ людяхъ, частью сильно нафанатизированныхъ, большею же частью находящихся подъ гнетомъ сильной нужды, успѣхъ всякой мѣры безусловно требуетъ, чтобы существовало уваженіе къ власти. Несложны условія, которыя требуются для возможности этого уваженія: твердость, увѣренность въ себѣ, вѣрность обѣщаніямъ, послѣдовательность; уваженіе къ власти уже совершенно невозможно, когда она становится смѣшною, когда, вступая въ борьбу съ движеніемъ юношей, она не умѣетъ сохранить спокойнаго, безпристрастнаго отношенія, становится стороною участвующею въ дѣлѣ и проигрываетъ дѣло состязанія.

Всякій, кто знаетъ ходъ дѣла съ 66-го года, согласится, что все, что можно было сдѣлать, чтобы представить власть судебную и административную возможно менѣе уважительною, было сдѣлано съ такою послѣдовательностью, что всякая дальнѣйшая мѣра была хуже предъидущей. Стараясь избѣжать общеизвѣстнаго, перечислю лишь нѣкоторыя мѣры: по министерству народнаго просвѣщенія самый проэктъ класическихъ ги-

мназій былъ принятъ какъ средство противъ распространенія нигилизма, или, какъ откровенно говорилось, какъ средство уменьшенія числа студентовъ. Исполненіе могло только усилить ненависть къ этой мѣрѣ: исключеніе массы воспитанниковъ, снабженіе многихъ изъ нихъ волчьими паспортами,*) общее пониженіе нравственнаго уровня среднихъ учебныхъ заведеній, усиленіе въ нихъ взяточничества,—вотъ результаты дѣятельности министерства графа Толстаго. Но явленія, возбуждающія столь же мало уваженія, мы встрѣчаемъ и въ другихъ вѣдомствахъ, которымъ поручены высшія учебныя заведенія; требованія студентовъ всѣхъ этихъ заведеній сводятся къ сходкамъ, къ кассамъ и праву заявлять возраженія противъ неправильной раздачи стипендій. Я не касаюсь здѣсь вопроса, на сколько они подлежали удовлетворенію, но разныя вѣдомства, между которыми раздѣлены учебныя заведенія, не могли даже усвоить себѣ какой либо опредѣленной системы разрѣшенія или запрещенія: разрѣшенное сегодня запрещалось завтра безъ всякой вины тѣхъ, кому было разрѣшено; въ этихъ безконечныхъ крутыхъ измѣненіяхъ часто переходили отъ неумолимаго запрещенія самыхъ невинныхъ устройствъ

*) То есть, оповѣщеніе учебныхъ заведеній и училищныхъ совѣтовъ о запрещеніи принимать ихъ учениками или учителями; это создало изъ нихъ вмѣстѣ съ оправданными по политическимъ дѣламъ особое «состояніе» обязательныхъ пропагандистовъ неизвѣстное нашему Св. Законовъ.

къ такой мѣрѣ послабленія, которая вынуждала профессоровъ ставить удовлетворительныя отмѣтки круглымъ невѣждамъ для того, чтобы не навлечь на себя неудовольствія студентовъ. Апогеемъ невозможныхъ мѣръ является распоряженіе министра государственныхъ имуществъ *) въ 78-мъ году, гдѣ говорится, что лица, выходящія изъ подвѣдомственныхъ ему заведеній, затрудняются пріисканіемъ мѣстъ, а потому онъ прекращаетъ пріемъ студентовъ впредь, до размѣщенія прежде выпущенныхъ лицъ. Эта мѣра привела въ отчаяніе молодыхъ людей, собиравшихся поступать въ названныя заведенія; въ дѣйствительности же она отразилась лишь на тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ или не было средствъ доѣхать до Петербурга, или была наивная вѣра въ опубликованное распоряженіе; оказалось, что стоило лично подать просьбу министру или его товарищу, завѣривъ въ своей благонадежности и тотчасъ получалось распоряженіе о личномъ дозволеніи принять просителя; такъ наполнился первый курсъ названныхъ заведеній.

Въ отношеніяхъ всего русскаго общества къ революціонной пропагаднѣ можно легко опредѣлить нѣсколько отдѣльныхъ моментовъ, находящихся въ тѣсной связи съ принимавшимися правительствомъ мѣрами. До

*) Ему подвѣдомственны Горный и Лѣсной Институты и Петровская Академія.

67—68 года рѣшительно нельзя подмѣтить, въ чемъ бы то ни было, сочувствія общества къ пропагандистамъ или враждебное отношеніе къ мѣрамъ правительства, до 66 года очень мягкимъ. Покушеніе Каракозова и убійство Иванова возбудили въ обществѣ единодушное негодованіе и подобное отношеніе сопровождало большую часть явныхъ проявленій революціонной работы.

При нѣкоторомъ административномъ умѣніи легко было бы всю борьбу сдѣлать общественною, но этого не было, только благодаря неудачнымъ мѣрамъ; сообразно тому, какъ мѣры становились круче и произвольнѣе, какъ они съ немногими виновными захватывали массу невинныхъ, общественное нерасположеніе, кромѣ убійцъ, доставалось и на долю авторовъ неудачныхъ мѣръ. Послѣдніе массовые политическіе процессы даже сосредоточили наибольшее нерасположеніе на неудачныхъ агентахъ правительства.

Проповѣдь Преосв. Амвросія при похоронахъ Кн. Крапоткина и возгласы о ней петербурскихъ газетъ (заявлявшихъ о томъ, что мы возвращаемся къ нетерпимости среднихъ вѣковъ) можетъ служить блестящимъ доказательствомъ отсутствія у насъ трезваго, здороваго отношенія къ пропагандѣ; это грустное послѣдствіе административной системы.

Я считаю, что церковь могла и должна была высказаться такъ, какъ это сдѣлалъ Преосв. Амвросій;

никакихъ преслѣдованій онъ не требуетъ и уже конечно въ правѣ настаивать, чтобы на него не натравливали общественное мнѣніе и давали бы ему свободно заявлять о нашихъ общественныхъ и особенно семейныхъ неустройствахъ.

Но останавливаясь спеціально на его мнѣніи о „доносѣ“ или гражданскомъ долгѣ, требующемъ отъ каждаго сообщенія о готовившемся преступленіи, если оно ему стало извѣстно, мы готовы согласиться съ Преосвященнымъ лишь совершенно съ церковной, т. е. въ данномъ случаѣ, не житейской точки зрѣнія. Взглянувши на дѣло практически мы увидимъ, что только въ странахъ либеральныхъ административныхъ нравовъ эти сообщенія охотно дѣлаются частными лицами; для этого требуется убѣжденіе въ разумности административныхъ мѣръ, дающее увѣренность, что, во-первыхъ, сообщенія необходимы, чтобы предупредить преступленіе; 2), что обязанность гражданина содѣйствовать главной цѣли государства — безопастности личности и имущества, и 3), что власть приметъ лишь нужныя мѣры, что отъ сообщенія не пострадаютъ невинные, да и самые виновные не получатъ болѣе заслуженнаго ими наказанія.

Нужно ли доказывать, что мы не находимся въ этихъ условіяхъ? я считаю это излишнимъ и упомяну лишь о дѣйствительномъ отношеніи нашего населенія къ политическимъ преступникамъ; враждебность этого отношенія

не подлежитъ сомнѣнію; что же качается до передачи преступниковъ власти, то мы видимъ, что простонародіе и выдаетъ довольно охотно; сдержкой является въ этомъ случаѣ лишь общее желаніе простонародія сторониться отъ всякаго сношенія съ полицейской властью. Что же касается до образованныхъ людей, то несомнѣнно, что печальные примѣры трехлѣтняго тюремнаго заключенія, по пустячному обвиненію, оканчивающемуся оправданіемъ даже въ особомъ присутствіи Сената, и значительная смертность въ тюрьмахъ не могли не побудить къ большой осторожности: понятно, что всякій задержитъ преступника, если случилось его застать при или предъ совершеніемъ политическаго убійства, но съ другой стороны, въ виду существующихъ пріемовъ преслѣдованія, болѣе чѣмъ понятно, что честный, добрый человѣкъ, узнавъ, что юноша, не вѣдая, что творитъ, распространяетъ запрещенныя книжки, постарается убѣдить его бросить это, постарается помѣшать ему вредить себѣ и другимъ, но ужъ конечно не рѣшится доносомъ не только погубить его будущее, но часто и упрочить его заблужденіе. Способъ дѣйствія общества вполнѣ зависитъ отъ административной системы.

Теперь намъ остается констатировать факты нашего экономическаго положенія, которое сосредочиваетъ на себѣ вниманіе общества.

Части русской журналистики въ полномъ согласіи съ

иностранными органами удалось даже увѣрить многихъ, незнающихъ дѣлъ во очію, въ какомъ-то нравственномъ и матеріальномъ упадкѣ Россіи въ послѣднее 20-лѣтіе; здѣсь крѣпостники дѣйствовали согласно съ крайними другой стороны. Земскіе люди, по крайней мѣрѣ черноземной полосы Россіи, знаютъ, какъ мало правды въ этихъ утвержденіяхъ. Болѣзнь серьезна, но не отчаянна, все зависитъ отъ дальнѣйшаго ея леченія. Раззореніе, представляемое намъ искуственной подтасовкой фактовъ явленіемъ общимъ, остается еще мѣстнымъ явленіемъ, вызываемымъ частнымъ несоотвѣтствіемъ заработковъ и доходовъ съ потребностями и податями, а всего чаще безпощаднымъ, разорительнымъ пріемомъ взысканія податей. На сколько удается сравнить настоящее положеніе съ временемъ передъ освобожденіемъ, въ общемъ ясно доказано увеличеніе производства и вывоза хлѣба, увеличеніе потребленія предметовъ, требуемыхъ простонародьемъ; признаками болѣе тревожнаго характера являются вырубки лѣсовъ, истощеніе земель, уменьшеніе количества скота и обѣдненіе нѣкоторыхъ, иногда значительныхъ, мѣстностей; въ нечерноземной полосѣ, сверхъ того замѣчается увеличеніе необработанныхъ, брошенныхъ полосъ крестьянскихъ надѣловъ; не смотря на увеличеніе заработной платы, размѣръ ея во многихъ производствахъ и особенно зимою держится столь низкій и работы такъ мало, что въ это время значи-

тельное количество, мѣстами большая часть, труда растрачивается непроизводительно, остается безъ употребленія. Съ другой стороны въ отдаленныхъ хлѣбородныхъ губерніяхъ во время жатвы, при хорошомъ урожаѣ, стоимость жнитва и молотьбы равняется иногда всей цѣнѣ собраннаго хлѣба; этимъ вызывается громадное передвиженіе рабочихъ пѣшкомъ, растрата труда въ самое дорогое время на дорогахъ, а все таки значительная часть полей остается неубранной. Въ договорахъ найма господствуетъ неустройство: повсемѣстно водворился наемъ зимою или во время сбора податей на лѣтнія работы съ выдачей денегъ впередъ: послѣдствія этихъ наймовъ: громадное количество нарушеній договоровъ и извращеніе самыхъ простыхъ экономическихъ отношеній, очень невыгодное для народнаго хозяйства.

Помѣщичьи земли нечерноземной полосы не даютъ почти никакаго дохода ихъ владѣльцамъ; большая часть ихъ лежитъ необработанною; они питаютъ лишь вредный классъ мелкихъ управляющихъ и арендаторовъ, которые и не помышляютъ о какомъ-либо хозяйствѣ; несложныя свои потребности, при заброшенной землѣ, они удовлетворяютъ эксплуатаціей крестьянъ, т. е. выжиманіемъ сборовъ деньгами или работой за право пастбища или за потраву. *) Въ черноземной полосѣ

*) Во всей нечерноземной полосѣ повинности значительно превышаютъ доходъ съ крестьянскихъ надѣловъ.

всѣ земли разработаны, помѣщичьи поля даютъ имъ значительный доходъ, наемныя и продажныя цѣны земли сильно возрасли и значительно превышаютъ ту цѣну, за которую крестьяне выкупили свои надѣлы; но и здѣсь, вслѣдствіе неумѣлости крестьянъ охранить свою экономическую независимость, доставшаяся имъ по выкупнымъ сдѣлкамъ земля не много приноситъ имъ пользы. Во первыхъ, многіе крестьяне получили по собственному желанію, такъ называемый нищенскій надѣлъ, т. е. четверть высшаго, во вторыхъ, и получившіе и большіе надѣлы, вслѣдствіе невыгодныхъ наемокъ зимою и возвысившейся цѣны найма земли, несутъ иногда непосильныя тягости.

Наконецъ община, о которой у насъ такъ много шло ожесточенныхъ споровъ, при современномъ ея устройствѣ оказывается неспособною исполнить то, что отъ нея ожидалось: гарантировать каждому клочекъ земли, обезпечить отъ обезземеленія. Ловкіе люди изъ цѣловальниковъ, кулаковъ и проч., при содѣйствіи адвокатовъ, обходятъ всѣ затрудненія и все увеличиваютъ количество бездомныхъ крестьянъ. Административная власть, враждебно расположенная къ общинѣ, не препятствуетъ этимъ сдѣлкамъ.

Не надо забывать, что только первыя наши реформы были цѣльны и соотвѣтствовали потребностямъ населенія. Когда остановилась серьезная ра-

бота, не прекратился зудъ перемѣнъ и каждый годъ продолжали являться законы и правила, учрежденія и уставы, которые справедливо названы переводомъ съ искаженіемъ по полной непримѣненности ихъ къ русской жизни. Вотъ ищетъ мужикъ, новый свободный русскій обыватель, гдѣ ему удовлетворить свои несложныя потребности; платя тяжелыя повинности, работая въ потѣ лица, будучи не по своей винѣ неграмотнымъ, онъ еще надѣется найти себѣ помощь и защиту, у начальства, когда дѣло идетъ о сынѣ на призывѣ, объ участкѣ земли, которую онъ желаетъ купить, о спорѣ съ сосѣдомъ, или объ украденной лошади. Но куда онъ не обратится, онъ слышитъ одни отвѣты: „не мое дѣло, пропущенъ срокъ, самъ о себѣ не заботился...“ Съ грустью уходитъ мужикъ, убѣждаясь, что нечего и обращаться къ начальству, если его все подчуютъ переведенными съ чужихъ языковъ и понятій фразами. Узнаетъ онъ тогда, что у него есть одинъ вѣрный помощникъ—своя мошна, съ ней и въ волости, „которая совсѣмъ заѣла,“ не пропадешь, да и ябеда или брехунецъ всегда сыщется и любое дѣло устроитъ. Правда, прежде и землю купить было легче, въ своемъ уѣздѣ купчую сдѣлаютъ, да и много дешевле было, ну да нынче реформы—все дороже стало; вотъ ужъ когда не въ терпежь отъ воровства или конокрадства, ну на этотъ счетъ теперь

проще: убилъ, хотя всѣмъ міромъ вора, не бѣда, непремѣнно оправдаютъ.

Всѣ перечисленные выше экономическіе недуги далеко еще не сдѣлали всего зла, которое скажется въ ближайшемъ будущемъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что время для врачеванія наступило, но по самому характеру недуговъ, общія огульныя мѣры, каково было освобожденіе крестьянъ, немыслимы и непримѣнимы. Здѣсь необходимо, по всестороннему изученію настоящаго положенія, принять твердую систему и приводить ее въ исполненіе сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ. Ближайшія необходимѣйшія мѣры довольно ясно намѣчены въ сознаніи общества, именно:

Окончательное устройство крестьянъ и организація системы переселенія; для сего нужно: 1) Прекратить всѣ виды расхищенія государственныхъ земель; 2) выяснить, гдѣ и какія принадлежащія государству земли удобны для переселеній; 3) вступить въ соглашеніе съ удѣльнымъ вѣдомствомъ и частными лицами относительно условій, на которыхъ они согласны предоставить свои земли переселенцамъ на правахъ выкупа*) 4) воспособлять переселенію изъ густо населенныхъ мѣстностей, какъ цѣлыми обществами, такъ и отдѣльными домохо-

*) Многіе лица, получившіе участки пожалованной земли вовсе не пользуются ими: уступка этой земли черезъ посредство прательства поселенцамъ за недорогую цѣну будетъ сдѣлка, на которую они охотно согласятся.

заевами; содѣйствовать сдѣлкамъ съ владѣльцами на мѣстахъ, если таковые доставятъ выгодныя крестьянамъ средства избѣгать переселенія (покупкой помѣщичьихъ земель для увеличенія недостаточныхъ надѣловъ); 5) облегчительныя правила для совершенія купчихъ мелкими участками; для сего необходима обширная система кредита, увеличеніе числа мѣстъ совершенія актовъ и упрощеніе процедуры совершенія купчихъ и вводовъ; 6) рядъ правительственныхъ и земскихъ мѣръ для поднятія земледѣлія и лѣсоводства; печальный семнадцатилѣтній опытъ доказываетъ, что нельзя разсчитывать на то, что существующія неустройства сами собой исправятся; съ другой стороны примѣръ Финляндіи доказываетъ, какіе блестящіе результаты могутъ быть достигнуты при разумномъ воспособленіи власти.

Но какъ эти, такъ и другія мѣры, нужныя для исправленія крайне незавиднаго нашего экономическаго положенія, принесутъ пользу лишь при коренномъ измѣненіи нынѣшнихъ пріемовъ законодательной работы: разрабатываемые въ безконечныхъ коммиссіяхъ вопросы не требуютъ ни знанія условій быта населенія, ни свѣдѣній объ имѣющихся средствахъ; коммиссіи признаютъ необходимымъ заготовить проэктъ рѣшенія, соотвѣтствующій лишь самымъ современнымъ европейскимъ требованіямъ; такимъ образомъ всякое преобразованіе разростается, является требованіе стомилліонныхъ рас-

ходовъ, а за недостаткомъ ихъ дѣло остается въ прежнемъ невозможномъ видѣ. Ясно, что для успѣшнаго хода дѣла долженъ быть употребленъ обратный пріемъ: нужно изучить существующія условія, пріискать хотя небольшія средства, которыми можно располагать, дать всѣмъ наличнымъ средствамъ самое производительное употребленіе и затѣмъ уже начинать дальнѣйшія улучшенія. Поясним это примѣромъ: безотрадное состояніе нашихъ тюремъ всѣмъ извѣстно, коммиссіи, занимавшіяся этимъ дѣломъ, не подвинули его именно вслѣдствіе ширины, съ которой ставилась задача; но одно уѣздное земство, 6 лѣтъ тому назадъ, пораженное тѣмъ, что существующія тюрьмы развращаютъ всѣхъ, попавшихъ въ нихъ, ходатайствовало, чтобы ему предоставлено было, на собственныя средства, устроить тюрьму, гдѣ содержались бы всѣ присужденные къ тюремному заключенію по уст. о нак. нал. мир. суд.; заключенныхъ предполагалось употреблять на работы и обучать ремесламъ; это ходатайство вызвало безконечную безплодную переписку и доселѣ не удовлетворено.

Я привелъ этотъ мелкій случай, чтобъ указать, что у насъ на дѣлѣ держатся порядка противоположнаго тому, который мы совѣтуемъ. Въ дѣйствительности же другаго пути къ улучшенію нѣтъ; это всего яснѣе видно, обращаясь къ тѣмъ экономическимъ недугамъ, которые не могутъ быть излечены переселеніемъ или кре-

дитомъ: какъ помочь неправильностямъ въ дѣлѣ заработковъ, на которые указано выше? Прежде всего слѣдуетъ помнить, что въ леченіи ихъ нечего надѣяться на представительныя учрежденія. Италія, напримѣръ, съ 59 года пользуется этими учрежденіями, но нигдѣ не видно излеченіе этого недуга, отъ котораго она страдаетъ не менѣе Россіи. Врачеваніе здѣсь не требуетъ рѣчей и сложнаго аппарата борьбы партій; мы же и безъ того страдаемъ многосложностью мѣстной администраціи, совершенно не соотвѣтствующей нашему безлюдью; серьезныя внутреннія преобразованія должны у насъ всегда имѣть въ виду упрощеніе машины и возможно скорое удовлетвореніе несложныхъ потребностей массы нашего населенія. Прежде всего нужно, чтобы сознаніе важности экономическихъ вопросовъ проникло въ правящіе слои населенія. Когда во время жнитва, всѣ власти судебныя и административныя, будутъ имѣть достаточно уваженія къ труду, чтобы отложить дѣло о дракѣ, требующее вызова 20-ти свидѣтелей, не заставлять чинить дорогу для проѣзда начальства, то много уже будетъ сдѣлано для возстановленія равновѣсія.

Если мы обратимся собственно къ безработицѣ, къ недостатку заработковъ зимою, то мы входимъ въ область наибольшаго вреда нашихъ разрушителей. Никто не сомнѣвается въ нашей технической отсталости,

въ маломъ числѣ людей образованнаго труда на всѣхъ поприщахъ практической дѣятельности. Для того, чтобы излечиться отъ этого недуга, у насъ и устроены высшія техническія и нетехническія учебныя заведенія. Каждый человѣкъ, вышедшій изъ этихъ заведеній и принявшійся за работу, какъ сельскій хозяинъ, врачъ, или техникъ на заводѣ, сотнямъ людей доставляетъ средства прибыльнаго заработка или поддерживаетъ ихъ рабочія силы. Мы теперь видимъ, рѣдкіе къ сожалѣнію примѣры, что одна образованная личность, хорошо принявшись за дѣло, дала окрестному населенію средства и жить лучше и уплатить подати. Отчего же этихъ личностей такъ мало? Отчего наши среднія и высшія учебныя заведенія даютъ такъ мало людей дѣла? Выше мы уже коснулись многихъ причинъ; теперь остается припомнить, что наибольшее число учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ содержится на счетъ казны или отдѣльныхъ земствъ и при современномъ состояніи Россіи можно только желать, чтобы болѣе средствъ употреблялось на это дѣло. Но почему же эти затраты не даютъ покуда плода? разгадка, къ сожалѣнію, въ движеніи нашихъ разрушителей и особенно въ тѣхъ несчастныхъ мѣрахъ, которыя противъ нихъ принимаются.

Странное явленіе, люди, содержимые на счетъ народа, проникнуты, по словамъ ихъ, безконечною любовью къ народу; они нафанатизированы и средства

спасенія предлагаютъ, заимствовавъ ихъ изъ другой среды, переведя съ искаженіемъ мечтанія европейскихъ соціалистовъ. Во время своей краткой дѣятельности они успѣваютъ убѣдиться въ ненависти къ нимъ народа, въ невозможности для нихъ дѣйствовать путемъ убѣжденія на людей, съ которыми у нихъ нѣтъ ничего общаго, у которыхъ совершенно иные религіозные и экономическіе идеалы. По дорогѣ въ тюрьму, они наносятъ громадный вредъ неповиннымъ товарищамъ, разбиваютъ много жизней, дискредитируютъ въ глазахъ народа почти всѣхъ людей образованнаго труда. Затѣмъ, попавъ въ тюрьму, они вновь содержатся на счетъ народа.

Долго ли дѣло будетъ идти такъ? во всякомъ случаѣ до того времени, пока правительство не покинетъ безплодный путь, на который оно ступило съ 66-го года. Исходъ ясенъ для всякаго разумнаго человѣка: надо прежде всего отнять у нашихъ разрушителей тотъ вѣнецъ мучениковъ, который имъ дается такой щедрой рукой: извѣстно, что это вѣрнѣйшее средство ничтожную кучку людей обратить въ опасную и сильную группу фанатиковъ. Надо умѣть воспользоваться хотя тѣми уроками, которые даютъ намъ сами разрушители, благодаря послѣдовательному развитію ихъ ученія; мы видимъ, что путь хожденія въ народъ оставленъ и люди разбились: одни пошли без-

застѣнчиво по пути убійствъ и возбужденія вспышекъ; другіе, сознавъ ошибку прежней дѣятельности, признали теперь необходимымъ ознакомиться съ физическимъ трудомъ, умѣть и такимъ образомъ зарабатывать себѣ хлѣбъ и проводить свои мысли. Еля нѣтъ надобности распространяться о будущности убійцъ и понятно, что нѣтъ страны, гдѣ бы убійства оставались безнаказанными, то относительно вторыхъ, равно какъ и большей части личностей, уже присужденныхъ къ наказанію за пропаганду, теперь совершенно во власти правительства, или продолжая идти прежней дорогой готовить и этимъ людямъ печальную будущность и себѣ безконечныя затрудненія, или пойдти смѣло по новому пути, отъ котораго можно ожидать только хорошихъ результатовъ.

Чтобы рязъяснить, что я разумѣю подъ этимъ путемъ, нужно условиться, гдѣ предѣлъ правъ государства относительно пропагандистовъ; я полагаю, что онъ просто опредѣляется тѣмъ, чтобы пресѣчь пропаганду, дѣлая возможно меньшій вредъ личностямъ и уже, конечно, не давая имъ права считать себя мучениками; самый простой практическій для этого способъ было бы устройство для нихъ поселеній, колоній, отводя имъ земли и предоставляя имъ хозяйничать тамъ по своему желанію, заводя управленіе и охрану лишь на столько, чтобы обезпечить себя отъ того, чтобы

они не разбѣжались. Я упомянулъ уже, что это до нѣкоторой степени соотвѣтствуетъ собственнымъ желаніямъ пропагандистовъ.

Затѣмъ необходимо стѣснить употребленіе исключеній въ числѣ мѣръ, практикуемыхъ нашими учебными заведеніями; для тѣхъ немногихъ случаевъ, когда исключеніе необходимо, лучше имѣть даже особыя заведенія для исключенныхъ, чѣмъ доставлять ежегодно десятки тысячъ рекрутовъ арміи разрушенія.

Но затѣмъ слѣдуетъ отказаться отъ всякихъ другихъ „предупредительныхъ мѣръ“ противъ разрушителей, хотя бы до тѣхъ поръ, пока не будутъ предложены такія, которыя не подрывали бы достоинства власти и не содѣйствовали, въ такой значительной мѣрѣ, увеличенію числа разрушителей. Только администрація, лишенная уваженія къ себѣ, можетъ стѣснять образованіе, гласность, развитіе народа, видя во всемъ этомъ опасныхъ для себя факторовъ. Твердая, разумная внутренняя политика, конечно, лучшее средство и противъ развитія противообщественныхъ теорій.

Относительно высшихъ учебныхъ заведеній самое неотложное, хотя въ этой области, прекратить вредную борьбу разныхъ вѣдомствъ; всѣ должны дѣйствовоть согласно, стремясь къ тому, чтобы ежегодно выпускать возможно болѣе полезныхъ дѣятелей.

При настоящемъ настроеніи молодежи необходимо предоставить студентамъ извѣстныя права, хотя бы устройство кассъ и столовыхъ; данныя уже права нужно поставить въ зависимость только отъ разумнаго пользованія ими; предѣлы правъ должны быть точно обозначены и уже, конечно, нельзя терпѣть безнравственнаго вмѣшательства въ экзамены. Затѣмъ необходимо возстановить общежитія для стипендіатовъ; сообразно потребности увеличить число стипендій; въ выборѣ стипендіатовъ нужно устранить всякій фаворитизмъ; можно ожидать только полезныхъ результатовъ, если представится возможность къ выбору стипендіатовъ привлечь самихъ студентовъ; но занятія стипендіатовъ должны строго контролироваться и въ этомъ конечно, не встрѣтится затрудненія, такъ какъ студенты отлично сознаютъ, что стипендіи должны принадлежать достойнымъ, т. е. занимающимся и недостаточнымъ. Необходимо также совершенно прекратить исключеніе за невзносъ платы: незначительная сумма недоплаты легко можетъ быть взыскана въ послѣдствіи, если молодому человѣку не помѣшаютъ изъ за нея окончить свое образованіе. Эти несложныя мѣры будутъ, я полагаю, вполнѣ достаточны для того, чтобы не повторялись „исторіи,“ столь вредящія занятіямъ и будущности студентовъ.

Правильные, достаточные выпуски молодыхъ людей

изъ высшихъ учебныхъ заведеній съ уничтоженіемъ закваски, изъ которой вырабатываются разрушители, очень много поможетъ экономическому прогрессу.

Остальное слѣдуетъ ожидать отъ воспособленія жизненнымъ кустарнымъ промысламъ, отъ правильнаго промысловаго законодательства, при организаціи надзора за исполненіемъ этого закона на фабрикахъ и заводахъ, а всего болѣе отъ ряда правительственныхъ мѣръ, стѣсняющихъ столь широко развившуюся, вслѣдствіе неудачныхъ распоряженій, область наживы безъ труда. Успѣхи и энергія народнаго труда прямо зависятъ отъ этого: пока всеобщимъ идеаломъ является доходъ, добыча безъ труда, до тѣхъ поръ нельзя ожидать экономическаго прогресса.

Никто не приметъ предложенныхъ выше мѣръ за разработанный проэктъ преобразованій; я счелъ лишь полезнымъ перечислить нѣкоторыя мѣры, необходимость которыхъ сознана обществомъ. Не мало можетъ быть споровъ о подробностяхъ дѣла, но вотъ что слѣдуетъ признать внѣ спора и сомнѣнія—это необходимость скорѣе освободиться отъ той плѣсени, которая затянула благотворныя реформы перваго десятилѣтія царствованія, въ видѣ разныхъ разъясненій и распоряженій, вызванныхъ страхомъ и враждой къ реформамъ. Еще болѣе сознана безусловная необходимость свободы печати, хотя бы съ самой строгой отвѣтственностью за

нарушеніе закона, но безъ всякихъ административныхъ высылокъ, изъятія вопросовъ изъ обсужденія, сжиганій книгъ.

Земля не можетъ оказать большую услугу власти, какъ сказавъ ей, что всѣ эти мѣры на дѣлѣ сдерживали выраженіе лишь зрѣлыхъ мнѣній, препятствовали честной работѣ и только способствовали распространенію и вредныхъ ученій и духа неправильнаго стяжанія; прилагаю тотъ отвѣтъ, который, по моему мнѣнію, только могла дать русская земля на призывъ правительства.*)

Парижъ 13 Апрѣля 1879 года.

*) Текстъ Харьковскаго адреса мнѣ извѣстенъ лишь въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ въ «Allgemeine Zeitung». Если бы онъ былъ переданъ не вѣрно, то наши замѣчанія о немъ теряютъ силу. Если я рѣшился ихъ высказать то лишь потому, что та или другая редакція адреса не измѣняетъ существа дѣла. Важенъ фактъ, что само правительство, обратившееся съ призывомъ къ народу, испугалось вызванной тѣни; всякое свободное выраженіе мнѣнія показалось ему настолько страннымъ, что оно не дало даже земству отвѣчать на свой запросъ.

Когда брошюра наша уже напечаталась, „Temps“ 4 Апр. привелъ текстъ Черниговскаго адреса, который подвергся извѣстному странному запрещенію, не было допущено даже чтеніе въ собраніи этого адреса. Онъ однако можетъ служить лучшимъ подтвержденіемъ сказаннаго выше о томъ, каковъ только и могъ быть дѣйствительный отвѣтъ русской земли.

Нашъ отвѣтъ и отвѣтъ Черниговскаго земства при очень различной формѣ представляютъ тождественное содержаніе.

ПРОЭКТЪ

ОТВѢТА ЗЕМСТВА НА ПРИЗЫВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Первые славные десять лѣтъ Твоего царствованія лучше всего доказываютъ, что можетъ совершить Государь въ согласіи съ своей Землею.

Милліоны людей впервые увидали свободу, ознакомились съ правымъ и милостивымъ судомъ, получили общественныя учрежденія. Результаты на лицо. Послѣ раззорительной войны страна скоро оправилась. Улучшеніе нравственныхъ и матеріальныхъ условій существованія дало ей такую силу, что, когда черезъ восемь лѣтъ, при открытомъ возстаніи на окраинѣ, угрожала опасность помѣриться силами съ европейской коалиціей, одного державнаго слова Твоего, Государь, было достаточно, чтобы враги сами отказались вступить въ неровный бой съ страною, которая составляетъ одно съ своимъ Государемъ.

Недовольныхъ было такъ мало, что даже немногія появлявшіяся прокламаціи распространялись не русскими руками.

Въ это время люди живой мысли, дѣла имѣли еще доступъ къ престолу.

По замиреніи возстанія въ Царствѣ Польскомъ Тебѣ угодно было, Государь, чтобы вмѣсто реакціи начался трудъ созиданія.

Благодаря трудамъ людей, Тобою призванныхъ, край, дотолѣ экономически неустроенный, возродился, матеріальное благосостояніе обдѣленныхъ дотолѣ крестьянъ было упрочено широкимъ надѣленіемъ ихъ землей, а расходы края перестали обременять общегосударственную казну.

Судьбѣ не угодно было, чтобы Россія подвигалась также быстро и мирно въ послѣдующее время.

Исполнителями реформъ оказались люди явно враждебные и русской Землѣ и задуманнымъ Тобою преобразованіямъ. Они изъ своекорыстныхъ цѣлей съумѣли возбудить недовѣріе, воздвигнуть непроницаемую стѣну между Государемъ и народомъ. Недовѣріе сказалось въ безсиліи и безплодіи послѣдующей работы.

Каждый отдѣльный, ничтожный случай представлялся доказательствомъ серьезной опасности. Скоро все данное одной рукой было отнято другой, или съужено и изкажено, необходимое, послѣдующее задержано. Вмѣсто

строгаго, бережливаго, серьезнаго отношенія къ государственнымъ дѣламъ и средствамъ какъ въ началѣ царствованія водворились распущенность, расхищеніе государственнаго достоянія, всѣ сходило безнаказанно; любовь къ родинѣ и совершеннымъ реформамъ была возведена въ преступленіе. Зародыши броженія и гніенія есть всюду, но для быстраго развитія ихъ нужна стоячая вода, вмѣсто того, чтобы ускореннымъ или хотя нормальнымъ теченіемъ воды освободиться отъ зародышей этого гніенія, Твои слуги, Государь, закрываютъ послѣднія шлюзы.

Всѣ мѣры, которыя измышлялись для истребленія зла, способствуютъ только къ его возрастанію: вмѣсто незначительной кучки недовольныхъ средины шестидесятыхъ годовъ, мы уже имѣемъ ихъ десятки тысячъ.

Всѣ, столь къ сожалѣнію многочисленныя, запретительныя мѣры стѣсняютъ лишь честный голосъ земли, который слишкомъ прямъ и независимъ, чтобы искать лазѣекъ и обходовъ: въ водворившейся душной атмосферѣ свободно движутся лишь казнокрады и убійцы, которые всѣ стѣсненія ловко обходятъ или обращаютъ въ свою пользу. Въ странѣ богатой и обширной стало тѣсно и душно, не смотря на потребность въ людяхъ и особенно во всѣхъ видахъ образованнаго труда. Въ то же время изъ учебныхъ заведеній и тюремъ съ каждымъ годомъ все больше выходитъ людей, кото-

рыхъ никуда не пускаютъ, которые не могутъ заняться никакимъ дозволеннымъ дѣломъ и потому не рѣдко по неволѣ являются въ числѣ стремящихся къ разрушенію существующаго порядка.

Земля вынесла непосильныя тягости, замедленіе необходимыхъ реформъ только увеличиваетъ ихъ. Но умирая на Балканахъ отъ интендантскихъ неустройствъ, или работая дома надъ преодолѣніемъ массы ненужныхъ стѣсненій, воздвигаемыхъ недовѣріемъ, люди Земли не перестаютъ молить Бога, чтобы онъ прояснилъ взглядъ Царя и возвратилъ ему довѣріе къ своему народу.

Государь! Земля умоляетъ тебя хотя теперь, въ тяжкую годину испытанія, когда одинъ за другимъ падаютъ твои вѣрные слуги отъ рукъ неизвѣстныхъ убійцъ, взглянуть на дѣло собственнымъ, непредубѣжденнымъ глазомъ. Не такія бѣды выносила Россія и выходила изъ испытанія съ новой силой, когда Богу было угодно даровать ей счастіе видѣть своего Царя и Землю дружно работающими надъ благомъ Россіи.

Еще ничего не потеряно. Земля сильна и богата: враги существующаго строя долго не будутъ имѣть силы пойти далѣе одиночныхъ убійствъ.

Но видѣть ихъ окончательное пораженіе намъ суждено лишь тогда, когда возобновится та дружная работа, которая была столь несвоевременно прервана.

Пусть Земля Твоя увидитъ въ дѣйствіяхъ слугъ

Твоихъ, Государь, прежнюю работу первыхъ лѣтъ Твоего царствованія; пусть отпадутъ вредные наросты, которые исказили прекрасно задуманныя Тобою преобразованія; накопившіеся міазмы сами собою разсѣются, всѣмъ найдется посильное дѣло и Земля, соединенная неразрывно съ своимъ Царемъ, справится и не съ такими врагами, какъ кучка безъименныхъ убійцъ или шайка казнокрадовъ.

За время застоя и недовѣрія много накопилось насущныхъ, неудовлетворенныхъ нуждъ, которыя не могутъ быть разрѣшены безъ ближайшаго содѣйствія мѣстныхъ людей. Земля помнитъ первое десятилѣтіе царствованія, она знаетъ, что прошедшее служитъ въ глазахъ Твоихъ вѣрныхъ подданныхъ лучшимъ залогомъ будущаго и что вновь услышавъ Державную Рѣчь: „лучше сверху, чѣмъ снизу,“ Россія неуклонно и быстро пойдетъ по пути своего мирнаго развитія.

БИБЛІОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ.